

5 февраля 2021 г.

КОММЕНТАРИИ

Об итогах Давосского форума - 2021

Давосский форум 2021 г. высветил важнейшие тенденции, которые в предстоящие годы будут определять «Великую перезагрузку» – устойчивое восстановление мировой экономики после пандемии и переосмысление мировой политики.

Первая из них – это окончательное закрепление Китая в роли лидера мировой экономики. При этом лидерство Китая ожидается не только по объему выпуска (а по размеру экономики ожидается, что Китай обгонит США уже в 2028 году), но и в части снижения углеродного следа, применения искусственного интеллекта, внедрения цифровой валюты. Это окажет серьезное влияние на международные отношения, потоки капитала, вопросы глобальной безопасности и т.д.

Вторая тенденция – это усиление значимости «зеленой» экономики и в целом политики, ориентированной на предотвращение изменения климата. Мировая климатическая повестка станет более требовательной, в том числе за счет новых международных соглашений и новых механизмов снижения выбросов.

Третья тенденция – это переосмысление роли международного сотрудничества и международных организаций в решении общемировых задач. Международные соглашения и институты должны способствовать бесконфликтному сосуществованию стран и устойчивому развитию мировой экономики.

Полноценное встраивание России в новый мировой порядок требует ускоренного решения ряда важнейших задач. В первую очередь это развитие транспорта и логистики внутри страны, необходимое для включения в международные транспортные потоки и международную кооперацию. Важнейшим проектом должен стать, в частности, «Кедровый тракт» – транспортная артерия, обеспечивающая сообщение между Китаем и Европой по территории России и дающая возможность для развития целого ряда российских регионов. Высокую значимость

имеют также развитие возобновляемой энергетики и низкоуглеродных производств, распространение цифровых технологий и цифровых финансов. Все это требует существенной активизации инвестиционного процесса в стране.

О роли Китая после пандемии коронавируса

Форум в Давосе, прошедший в этом году в режиме «онлайн», был посвящен «Великой перезагрузке» (The Great Reset) – концепции устойчивого восстановления мировой экономики после пандемии коронавируса и, в более широком смысле, переосмысления современного капитализма с привнесением идей большего социального и имущественного равенства, развития многосторонних отношений в противовес закрытости, протекционизму и созданию блоков. Значительный акцент также делался на зеленое развитие и климатическую ответственность государств и бизнеса. Пандемия, безусловно, способствовала такому переосмыслению, ускорив многие социально-экономические процессы последних лет. Вместе с тем, в период кризиса более явными стали и многолетние политические и экономические тренды, которые формально не попали в повестку Давосского форума, но были хорошо отражены в дискуссиях и выступлениях лидеров в рамках мероприятия. Одна из важнейших среди таких долгосрочных тенденций – растущая роль Китая в мире.

Очевидное опережающее развитие КНР сегодня волнует политиков и экспертов по всему миру. Еще в 2000-х гг. страна была известна в первую очередь как «мировая фабрика» - центр для аутсорсинга производств из развитых стран. Сегодня Китай по-прежнему производит 28,4% продукции мировой обрабатывающей промышленности, в то время как следующие за ним в рейтинге США, Япония и Германия в сумме производят лишь немногим большую долю (29,6%) даже без учета значительной разницы в ценах¹. В то же время КНР за последние 10 лет приобрела статус «технологической державы» и одной из ключевых геополитических угроз для США – по этому поводу в Вашингтоне даже сложился на редкость устойчивый двухпартийный консенсус.

Активная борьба с этой новой угрозой началась в США при Трампе. Приоритетом его администрации было восстановление баланса в торговле и возвращение рабочих мест в США. Это предопределило формат противостояния: началась «торговая война», в ходе которой стороны вводили тарифы и другие ограничения на импорт сельскохозяйственных и промышленных товаров. Вместе с тем, началось и активное противодействие китайским инвестициям в развитые страны, равно как и китайским технологиям – санкции были наложены на производителей телекоммуникационного оборудования, компьютерных чипов и других электронных компонентов, создателей камер с технологией распознавания лиц, ведущих разработчиков гражданских дронов и т.д.

Несмотря на все трудности конфронтации с Западом, Пекин не только выдержал давление предыдущей американской администрации, но даже упрочил свои позиции, в первую очередь за счет быстрой и эффективной остановки пандемии коронавируса. Китай одним из первых вышел из кризиса, вызванного пандемией. ВВП страны по итогам 2020 г. превысил знаковую отметку в 100 трлн юаней². Кроме того, в отличие от многих стран, положительным оказался и темп экономического роста, составивший 2,3%³. При этом, несмотря на пандемию, иностранные инвестиции в КНР течь не перестали. Хотя во всем мире объем ПИИ упал на 42%, в Китай пришло даже больше инвестиций из-за рубежа, чем в 2019 году, и страна смогла занять первое место по

¹ <https://www.weforum.org/agenda/2020/02/countries-manufacturing-trade-exports-economics/>

² http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/18/c_139677413.htm

³ <https://www.cnbc.com/2021/01/18/china-economy-release-of-fourth-quarter-full-year-2020-gdp.html>

этому показателю, обогнав США⁴. Последнее говорит не только об экономических успехах КНР, но и об уверенности международного бизнеса в будущем страны. Продолжая создавать производства в КНР, иностранные инвесторы в геополитическом смысле «ставят на Китай».

Уверенность международного бизнеса подтверждается и мнением экспертов. Согласно недавнему прогнозу британского Центра исследований экономики и бизнеса (CEBR), Китай обойдет США по объему ВВП уже к 2028 г.⁵ До пандемии ожидалось, что эти две экономики достигнут паритета к 2033 г. При этом, согласно новому прогнозу, в ближайшие 5 лет экономика Китая будет расти со средним темпом 5,7%, в период с 2026 по 2030 гг. темпы снизятся до 4,5%, а после этого периода – до 3,9% ежегодно. Несмотря на замедление, это, во-первых, гораздо более оптимистичный прогноз, чем до пандемии, и, во-вторых, это по-прежнему более высокие темпы, чем в среднем у развитых стран. Таким образом, к моменту паритета с США Китай, по всей видимости, будет иметь значительно больше экономических перспектив, что, в свою очередь, серьезно повлияет на международные отношения, трансграничную торговлю, потоки капитала, вопросы глобальной и региональной безопасности и т.д.

Так как все эти изменения происходят поступательно, они не всегда явно заметны, хотя о многих из них эксперты говорят уже не первый год. Пандемия же ускорила и во многих случаях обнажила процессы, ранее скрытые от глаз среднего наблюдателя – это касается и меняющейся роли Китая. В этой связи дискуссии в Давосе достаточно показательны и позволяют увидеть как текущие преимущества, которые имеет КНР, так и сделать выводы относительно некоторых тенденций формирования будущего миропорядка.

Китай в этом году оказался в центре двух наиболее «горячих» тем для обсуждения на Давосском форуме – проблем «зеленого» и в целом устойчивого развития, а также цифровизации и все более широкого применения новых технологий в различных сферах.

В сфере устойчивого развития, Китай подошел к Давосу на однозначно выигрышных позициях. Пока чиновники и эксперты в развитых странах только обсуждали сформулированную в середине года идею «зеленого» восстановления экономики после кризиса, Си Цзиньпин уже в сентябре объявил о переходе КНР к углеродной нейтральности к 2060 году. В Давосе он подтвердил приверженность Китая курсу устойчивого развития и сокращения выбросов.

Выступавший позже на одной из сессий министр экологии и окружающей среды КНР Хуан Жуньцю подтвердил слова главы государства и заявил, что сейчас в стране разрабатываются подробные планы действий по переходу к углеродной нейтральности с четкими целями и списком ключевых отраслей промышленности. Среди таких отраслей, помимо энергетики и промышленности, министр выделил также транспорт и строительство. Кроме того, Хуан Жуньцю рассказал о запуске 1 февраля этого года национального рынка торговли квотами на выбросы, который в перспективе покроет 45% выбросов углекислого газа в стране.

Представители китайского бизнеса также не оставили в стороне вопрос изменения климата, подтвердив приверженность Китая «зеленому» развитию конкретными планами и показателями. Так, глава китайской государственной электросетевой компании State Grid Синь Баоань на сессии по энергетическому переходу⁶ заявил, что в ближайшие пять лет компания будет ежегодно инвестировать более \$70 млрд в обновление электросетевой инфраструктуры, чтобы как можно более эффективно использовать возобновляемые источники энергии. Уже сейчас компания строит 51 ГАЭС общей установленной мощностью 62 ГВт для балансирования нагрузки в сети – ключевой проблемы при использовании нестабильных источников генерации, таких как «ветряки» и солнечные панели. Кроме того, компания сейчас занимается созданием крупнейшей в мире

⁴ <https://www.reuters.com/article/us-china-economy-fdi-idUSKBN29T0TC>

⁵ <https://thehill.com/policy/finance/531688-china-expected-to-surpass-us-economy-in-2028-analysis>

⁶ <https://www.weforum.org/events/the-davos-agenda-2021/sessions/accelerating-clean-energy-transitions>

«умной» сети для подключения более миллиона зарядных станций для электромобилей в 471 городе Китая.

В свою очередь Чжоу Шоуцзы – глава международного подразделения Xiaomi, рассказал об усилиях по достижению устойчивого развития в электронике⁷. Компания, в соответствии с лучшими западными практиками в сфере декарбонизации, уже третий год занимается снижением углеродного следа не только на своем производстве, но и сразу во всей цепочке поставок, требуя от большинства поставщиков более строгой отчетности по деталям производства и углеродному следу.

При этом не менее важно отметить, что все представители Китая, от Си Цзиньпина до руководителей компаний с их частными инициативами, заявляли о важности глобального управления, международного сотрудничества и многостороннего взаимодействия в вопросах климата. Активно обсуждалась, в частности, подготовка к COP26, необходимость международной прозрачности в вопросах раскрытия информации об углеродных выбросах и соответствующей сертификации.

Таким образом, хотя выступления лидеров и отдельные примеры компаний отнюдь не говорят о том, что Китай уже достиг европейского уровня в вопросах устойчивого развития, дискуссии в Давосе явно свидетельствуют о том, что Пекин стремится занять значимое место в повестке устойчивого развития и уже готов перехватить инициативу у развитых стран, в первую очередь – у США, которые лишь с приходом Байдена начали возвращаться к международному сотрудничеству по вопросам борьбы с изменением климата.

Еще одной темой, в центре обсуждения которой оказался Китай, стала цифровизация – процесс, значительно ускоренный пандемией по всему миру. КНР в этой сфере сегодня является одним из неоспоримых лидеров, что форум в Давосе тоже показал достаточно явно. Хотя лично Си Цзиньпин, к примеру, не затрагивал вопросы цифровизации подробно, Китай зримо или незримо присутствовал практически на всех профильных сессиях.

Так, на первой из двух панельных дискуссий⁸ о переходе к Четвертой промышленной революции, к примеру, представителей США не было вообще. Дискуссию вела китайский модератор, а из четырех гостей двое были высокопоставленными представителями КНР – это министр промышленности и информационных технологий Сяо Яцин и заместитель председателя совета директоров Huawei Кен Ху⁹.

В ходе дискуссии министр отметил, что главной задачей китайского правительства сейчас является соединение науки и прикладных технологий, чтобы позволять бизнесу как можно быстрее и качественнее создавать новые продукты. Кроме того, государство делает акцент на развитии цифровой инфраструктуры, которая призвана помочь бизнесу от мала до велика стать эффективнее. Среди основных объектов такой инфраструктуры – не только сети 5G, но и единые стандарты и решения в сфере промышленного интернета вещей и больших данных.

Топ-менеджер Huawei затронул более прикладные вопросы применения технологий. Он рассказал, как технологии искусственного интеллекта позволили в 5 раз ускорить распознавание сканов компьютерной томографии, что помогло врачам принимать гораздо больше пациентов во время пандемии. В свою очередь благодаря технологиям автономного вождения угольные карьеры во Внутренней Монголии смогли обходиться практически без водителей грузовиков. При этом, пока зарубежные коллеги обсуждали, как избежать безработицы из-за автоматизации и утечек персональных данных при помощи различных форм государственного регулирования, Кен Ху

⁷ <https://www.weforum.org/events/the-davos-agenda-2021/sessions/harnessing-circular-innovation-for-the-economic-reset>

⁸ <https://www.weforum.org/events/the-davos-agenda-2021/sessions/harnessing-the-fourth-industrial-revolution-eastern-hemisphere>

⁹ Настоящее китайское имя – Ху Хоукунь

фактически защищал идеалы свободного рынка. Он заявил, что, так как персональные данные – главный актив для технологических компаний, им самим выгодно максимально защищать их от утечек, чтобы не потерять репутацию и пользователей.

На сессии по цифровым валютам¹⁰ все внимание было приковано к выступлению главы Национального института финансовых исследований Чжу Миня, которые имеет прямое отношение к разработке и тестированию «цифрового юаня». Концепцией государственной цифровой валюты сейчас интересуется весь мир, однако именно Китай сумел стать пионером в этой области и уже более полугодя проводит тесты новой валюты. Чжу Минь, однако, отметил, что у Китая пока нет планов распространять цифровой юань за пределы страны и, тем более, пытаться использовать его в качестве инструмента для конкуренции с долларом. Тем не менее, внутри страны валюта будет находить все больше применений. Так, эксперт подчеркнул, что сейчас Китай занимается лишь тестированием базовых платежных функций для населения, намекая, что впереди мы можем увидеть уже более серьезные тесты цифрового юаня в рамках банковских депозитов, инструментов денежного и долгового рынка и в сделках репо.

Аналога китайской цифровой валюты пока нет нигде, даже в передовом Сингапуре, представитель которого также выступал на сессии и отметил важность международной стандартизации и создания единых совместимых протоколов при переходе на цифровые валюты во всем мире. Из этих рассуждений несложно сделать вывод, что следующим шагом может стать навязывание Пекином своих стандартов разработки другим странам: подобные процессы всегда происходили в отрасли информационных технологий, где «сетевые эффекты» являются ключевым драйвером создания стоимости. Это в свою очередь может привести к кардинальным изменениям в балансе сил в сфере международных финансов.

При этом, как и на сессиях по устойчивому развитию, все китайские участники дискуссий о цифровизации подчеркивали важность международного сотрудничества, открытости, совместной работы над едиными международными правилами по различным вопросам, демонстрировали готовность к взаимодействию как с развитыми, так и с другими развивающимися странами.

В связи с такой открытостью китайской стороны к международному сотрудничеству как в сфере устойчивого развития, так и в области технологий, интересно сравнить позиции представителей КНР и Запада о политической и экономической многополярности и многостороннем сотрудничестве в целом, не только в привязке к конкретным областям.

Так, хотя канцлер Германии Ангела Меркель в своем выступлении¹¹ убедительно отстаивала идеалы мультилатерализма, формальный консенсус спикеров от ЕС и США по этому вопросу в ходе более подробных дискуссий показался не таким уж единодушным. В частности, представители западных правительств и бизнеса в ходе ряда сессий по экономике и торговле¹² говорили, что пандемия показала необходимость снижения рисков в глобальных цепочках добавленной стоимости и поиска альтернатив «ближе к дому». Отмечалась и необходимость реформ ряда международных организаций, которые теряют доверие развитых стран от Европы до Новой Зеландии.

В то же время, представители Китая во всех выступлениях, включая обращение Си Цзиньпина, наоборот отстаивали и поддерживали работу таких организаций как ВОЗ и ВТО, которые еще совсем недавно считались скорее проводниками приоритетов западных стран. Теперь же, по всей видимости, работа этих организаций, равно как и сами принципы открытости свободных рынков и беспрепятственного сотрудничества все в большей мере нужны Пекину. Став сильным, Китай

¹⁰ <https://www.weforum.org/events/the-davos-agenda-2021/sessions/resetting-digital-currencies-2>

¹¹ <https://www.weforum.org/events/the-davos-agenda-2021/sessions/special-address-by-q7-head-of-state-government>

¹² <https://www.weforum.org/events/the-davos-agenda-2021/sessions/restoring-economic-growth-western-hemisphere> ; <https://www.weforum.org/events/the-davos-agenda-2021/sessions/fixing-the-international-trade-system-eastern-hemisphere>

начинает использовать те же аргументы «равной игры» и «честных правил», которые ранее давали преимущества развитым странам.

Таким образом, Давос продемонстрировал, что Китай сегодня находится в передовых рядах по многим вопросам, и пандемия лишь ускорила эту тенденцию. Пекин не просто может конкурировать с развитыми странами, но и навязывает свою повестку. В сфере технологий к Китаю прислушивались на тех сессиях, где присутствовали представители страны, в то время как в рамках других дискуссий КНР зачастую незримо представала как угроза, на которую более или менее завуалированно ссылались представители ЕС и США. В области устойчивого развития Китай, который еще недавно считался центром мирового загрязнения, теперь также стремится если не навязать, то продемонстрировать свои приоритеты всему миру. Наконец, приверженность принципам мультилатерализма дает Пекину как моральный, так и вполне материальный рычаг для дальнейшего укрепления своего доминирования в мире и постепенной перестройки текущего миропорядка, результаты которой мы можем увидеть уже в течение этого десятилетия.

О борьбе с климатическими изменениями

«Провал климатических действий» (Climate action failure) был назван в качестве самого значительного и второго по вероятности риска в «Докладе о глобальных рисках 2021» Всемирного экономического форума (The Global Risks Report 2021).

В этом смысле ни один из представителей бизнеса или политической элиты не оспаривал выводы ВЭФ. Основные темы дискуссии об изменении климата в Давосе касались необходимости перераспределения средств между смягчением последствий изменения климата и адаптацией к глобальному потеплению; роли торговых правил в противодействии изменению климата; а также опасений ухода проблемы на второй план, особенно на фоне мер по восстановлению экономик.

Особый акцент на данном риске сделал президент Климатической конференции ООН (COP26) Алок Шарма, который призвал к тому, чтобы меры по восстановлению после пандемии согласовывались с целями Парижского соглашения и ЦУР. Подобные призывы уже были неоднократно озвучены на различных мероприятиях ОЭСР за 2020 г., в частности на Круглом столе Совета министров ОЭСР на тему «Восстановление экономики: сильное, устойчивое, экологичное и инклюзивное» в сентябре 2020 г. Алок Шарма также подчеркнул важность того, чтобы при принятии решений инвесторы всегда учитывали климатические риски.

Можно сказать, что Давос 2021 в отношении борьбы с изменением климата не предложил никаких новых или дополнительных решений, что, впрочем, не удивительно, так как профильной конференцией по данной теме является Климатическая конференция ООН, которая должна пройти в Глазго в ноябре 2021 г.

Урсула фон дер Ляйен, председатель Европейской комиссии, отметила европейские договоренности о сокращении выбросов парниковых газов как минимум на 55% к 2030 году. Евросоюз уже выделил 37% бюджета плана восстановления экономики под названием «Новое поколение ЕС» совокупным объемом 750 млрд. евро на реализацию Европейского зеленого курса. Однако только государственного финансирования, по мнению фон дер Ляйен, будет недостаточно.

В этой связи более жестким было заявление президента Франции Эммануэля Макрона о том, что частные компании должны регулярно отчитываться по конкретным критериям корпоративной социальной и экологической ответственности. Кроме этого, Макрон заявил, что должны быть введены даже санкционные механизмы в отношении частного бизнеса, чтобы стимулировать его продвижение по сокращению выбросов CO₂. Макрон призвал Европу сделать цель по сокращению выбросов парниковых газов к 2030 году более амбициозной.

Однако большей частью выступления мировых лидеров в Давосе касались повторения обязательств в части сроков достижения нетто-нулевых показателей выбросов. Премьер-министр Японии Ёсихидэ Суга еще раз обозначил климатическую цель по достижению нетто-нулевых показателей выбросов к 2050 г., в том числе за счет декарбонизации энергетического сектора, большего использования ВИЭ, в частности водорода и ветровых ферм. Премьер-министр Моди заявил, что экономический рост Индии идет в соответствии с заявленными климатическими целями.

Китай традиционно использовал Давос, как и любую другую крупную международную площадку, для того чтобы еще раз обозначить значимую роль в борьбе с изменением климата и достигнутый прогресс. В этом смысле выступление Министра экологии и окружающей среды КНР Хуан Жунъюэ стало набором ранее известных политических клише о том, что реагирование на изменение климата глубоко интегрировано во все аспекты экономического и социального развития Китая, однако достижение данной цели требует огромных усилий. Главной целью является углеродная нейтральность к 2060 году, в том числе за счет запуска первого национального углеродного рынка, чтобы покрыть 45% выбросов CO₂ в стране, а также за счет развития солнечной и ветровой энергии – цели, которая будет включена в план 14-й пятилетки Китая.

Самым жестким в отношении борьбы с климатическими изменениями было выступление Джона Керри, специального представителя президента США по вопросам климата с 20 января 2021 года.

Учитывая возвращение США в Парижское соглашение, американцы будут всеми силами пытаться не только участвовать в определении климатической повестки, но и возглавить ее. Определение даты проведения Климатического саммита со стороны США 22 апреля 2021 г. отчасти размывает ведущую роль Великобритании, как страны, проводящей COP26 в ноябре 2021 г. Более того, Керри – единственный из политической элиты озвучил в Давосе некий четкий план ожиданий от COP 26.

Он подчеркнул, что цель Глазго – увидеть, как все основные страны-эмитенты увеличивают свои климатические цели, а не довольствуются тем, что заявлено на ближайшие 30 лет. По всей видимости, США будут требовать разработки со стороны стран-участниц Парижского соглашения четких дорожных карт с временными ориентирами и показателями, начиная с 2021 г., по достижению углеродной нейтральности. При этом Керри, как неоднократно заявлял Байден в ходе предвыборной президентской кампании, указал на необходимость привлечения Китая к ответственности и его роль в части распространения угольной энергетики. Со слов Керри, китайцы финансируют 70 угольных электростанций по мере развития инициативы «Пояс и путь». При этом пока совершенно не понятно, как именно Китай планирует достичь заявленной углеродной нейтральности в 2060 г.

По всей вероятности, США предварительно готовы к идее нового соглашения в области климата, хотя напрямую Керри это не озвучил. Однако он отметил, что одного Парижского соглашения недостаточно, и что миру необходима новая международная стратегия, направленная на оживление каждого сектора экономики и каждой страны и переход на чистую энергетику. Парижское соглашение позволило странам сделать лучшее, что они могли в части борьбы с изменением климата на момент подписания. Основной акцент должен быть сделан на наличие механизма контроля и измерения прогресса стран по достижению национально-определяемых вкладов. Учитывая, что отдельные страны, в частности Китай, могут воспринять это как попытку вмешательства в национальный суверенитет, едва ли подобная идея будет поддержана.

Довольно большой блок сессий Давоса был посвящен торговым правилам и климатическим изменениям. 26 марта 2020 г. ВЭФ опубликован документ о взаимосвязи правил международной торговли и вопросов защиты окружающей среды, в том числе борьбы с изменением климата. Старший партнер Clifford Chance, ведущей юридической фирмы Великобритании, Йерун Увеханд (Jeroen Ouwehand) в Давосе повторил идею, ранее озвученную в мартовской записке ВЭФ: ВТО и

Парижское соглашение должны «идти» вместе, так как торговля может быть движущей силой экологического и устойчивого производства.

В контексте введения со стороны Евросоюза пограничного углеродного механизма, идеи Увеханда во-многом отражали требования представителей бизнеса ряда отраслей промышленности. Йерун Увеханд особо подчеркнул, что правительства могут задуматься об устранении тарифов и иных барьеров для «экологически чистых» товаров и услуг. Кроме этого, Йерун Увеханд выступил за устранение нетарифных барьеров для торговли такими товарами, так как политика не должна увеличивать затраты на внедрение технологий, помогающих предприятиям снизить углеродоемкость производственного процесса.

Учитывая, что «Зеленый курс ЕС» подразумевает принятие коллективных мер государствами-членами ЕС на наднациональном и национальном уровнях для достижения нетто-нулевых выбросов парниковых газов к 2050 г., а также рассматривает запуск «пограничного корректирующего углеродного механизма» (carbon border adjustment mechanism) для выравнивания условий конкуренции европейских производителей с поставщиками из третьих стран, которые не соответствуют критериям ЕС по развитию углеродного регулирования (в частности, в которых отсутствует углеродный налог), подобные предложения об отсутствии тарифов для «экологически чистых» товаров и услуг в Давосе выглядят значимыми для представителей бизнеса.

Однако пока, судя по тем же заявлениям Франка Ристера (Franck Riester), министра-делегата по вопросам внешней торговли и экономической привлекательности при министре Европы и иностранных дел Франции, рассчитывать на подобные инициативы со стороны ЕС едва ли возможно. Франк Ристер подчеркнул, что пограничный углеродный механизм заставит другие страны быть более амбициозными в области сокращения выбросов CO₂. Именно этот механизм и давление на страны, которые не проводят должного сокращения выбросов CO₂, компенсируют затраты на производство товаров наиболее устойчивым и зеленым способом.

В Давосе европейские лидеры еще раз подтвердили тренд на полный переход на ВИЭ, в том числе с акцентом на водород. Канцлер Германии Меркель подчеркнула, что 40% производства энергии уже переведено на ВИЭ. Однако отказ от угля, переход на водород и на электрическую мобильность требуют огромных технологических усилий и, соответственно, инвестиций.

В то же время очень мало обсуждается проблема хранения того же водорода, или обеспечения бесперебойных поставок энергии. Синь Баоань, исполнительный председатель State Grid Corporation of China, был одним из немногих, кто отметил непостоянство генерации солнечной и ветровой энергии, и возникающие в связи с этим проблемы, в том числе и для экономического роста.

В октябре 2020 г. JP Morgan уже писал, что несмотря на вложения в зелёную энергетику, которые иногда напоминают пузырь, реальная доля солнечной и ветровой энергии в потреблении первичной энергии в США составляет только примерно 1% и 2,6% соответственно. В этой связи существует определенный «COVID-зеленый» риск как сценарий крупного энергетического и сырьевого кризисов, которые могут произойти в результате недостаточного инвестирования в традиционную энергетическую инфраструктуру после восстановления от COVID-19.

Таким образом, Давосский форум в этом году, хотя и был посвящен во многом теме зеленого восстановления после пандемии, на самом деле не предложил каких-то значимых новых идей. В то же время стало более явным противостояние США и Китая за место одной из ведущих стран в определении климатической политики. Пекин, громко заявивший о цели по достижению углеродной нейтральности, стремится войти в число климатически ответственных стран. Вместе с тем, США при Байдене будут возвращаться в мировую повестку устойчивого развития и пытаться ее возглавить.

О макроэкономических последствиях пандемии коронавируса

19 января 2021 г., накануне «виртуальной встречи» мировой политической и бизнес-элиты в Давосе, Всемирный экономический форум (ВЭФ) опубликовал 16-е издание «Доклада о глобальных рисках» (The Global Risks Report 2021). В кратком резюме доклада отмечается, что в постпандемической глобальной экономике, вероятнее всего, произойдет существенная промышленная поляризация.

Эту поляризацию спровоцируют тренды, заложенные последствиями COVID-19: национальные программы по предотвращению экономических потерь; технологические преобразования (которые будут доступны не всем) и изменения в структуре сообществ, включая поведение потребителей, характер работы и роль технологий как в работе, так и дома.

Представители ВЭФ неоднократно цитировали данные Доклада в части экономических последствий COVID-19 на различных сессиях Давоса. По версии ВЭФ, что подтверждается и другими исследованиями глобальных международных институтов, например, UNCTAD (Конференции ООН по торговле и развитию), текущий экономический кризис является самым глубоким за всю историю мирного времени. По итогам 2020 г. ожидается общее сокращение мирового выпуска на 4,4%, в то время как финансовый кризис 2008-2009 гг. привел к сокращению мировой экономики лишь на 0,1%. Во втором квартале 2020 г. было потеряно рабочее время, эквивалентное 459 млн. рабочих мест, что составляет 14% всей мировой рабочей силы. В части экономических последствий, COVID-19 особенно сильно ударил по молодежи, неквалифицированным рабочим и работающим родителям.

При этом все эксперты признают, что экономический эффект варьируется в зависимости от региона. В 2020 г. наиболее всего сжатие экономики коснется Европы и Латинской Америки. Ожидается, что только 28 экономик вырастут в 2020 г., причем Китай будет единственной растущей экономикой среди стран «двадцатки».

Пиковое влияние COVID-19 на ключевые макроэкономические показатели: семь крупнейших экономик

	Рост ВВП, за год		Уровень безработицы
	II кв. 2020	III кв. 2020	Изменение в п.п., II кв. 2020 к I кв. 2020
Китай	3,2%	4,9%	+0,1
Франция	-18,9%	-3,9%	-0,7
Германия	-11,2%	-4,0%	+0,6
Индия	-23,5%	-7,5%	N/A
Япония	-10,3%	-5,7%	+0,4
Великобритания	-21,5%	-9,6%	-0,1
США	-9,0%	-2,9%	+9,2

Источник: WEF, «Доклад о глобальных рисках» 2021

Ожидается, что глобальная рецессия доведет 150 млн. человек до крайней бедности, что составит 9,4% от населения мира, в то время как ранее ожидалось падение этого показателя до 8% к концу 2020 года.

Глобальная рецессия может привести к существенному изменению структуры спроса и, соответственно, цепочек поставок, объемов торговли и цен на определенные товары; протекционизму под видом национальной безопасности и ускорению Индустрии 4.0.

Как отметил в своем выступлении в Давосе Ноэль Куинн (Noel Quinn), генеральный директор британско-гонконгской банковской группы HSBC Holdings plc, под воздействием COVID-19 цепочки поставок диверсифицируются, некоторые приближают их к дому. При этом гарантией функционирования цепочек поставок в условиях кризисов Куинн считает наличие многосторонних, а не двусторонних соглашений. Кризис показал, насколько сильно мир зависим от конкретных поставщиков.

Отчасти схожая позиция прозвучала в обращении канцлера Германии Ангелы Меркель, которая отметила, что необходимо избегать только внутренней политики, а также укреплять глобальные цепочки поставок, чтобы стать более устойчивыми, а не развивать национальные схемы.

Основным методом борьбы с текущим кризисом стало решение центральных банков развитых стран начать массивное количественное смягчение. Еще в марте ФРС США объявила¹³ о «неограниченном количественном смягчении» - готовности выкупить с рынка любой необходимый объем гособлигаций и ипотечных ценных бумаг для поддержки экономики. Фактический объем смягчения на декабрь 2020 года составил \$3,1 трлн. ЕЦБ поступил несколько осторожнее, в течение года поэтапно делая инъекции в экономику в фиксированном размере. Суммарно с марта по декабрь 2020 года европейский регулятор выкупил ценные бумаги на 2,4 трлн евро (\$2,9 трлн). По данным Global QE Tracker Атлантического совета¹⁴ общий объем вливаний в экономику центральными банками США, ЕС, Японии и Великобритании составил \$7,8 трлн, а объем ценных бумаг на балансе этих четырех ЦБ оказался более, чем в 2 раза больше, чем в 2014 году.

Следует отметить, что реакция центральных банков на борьбу с нынешним кризисом значительно отличалась от мирового экономического кризиса 2008 г. Тогда регуляторы поначалу не спешили «вливать» в экономику деньги: хотя признаки кризиса были налицо еще в декабре 2007 г., первая программа количественного смягчения в США началась лишь через год – в декабре 2008 г., когда для многих участников рынка банкротство было уже предопределено. Сейчас программы количественного смягчения были начаты сразу после начала пандемии – в марте.

Кроме того, использовался и более широкий набор инструментов монетарной политики. Как отметил на одной из дискуссий форума в Давосе глава банка Barclays Джес Стэйли¹⁵ центральные банки Европы¹⁶ и США¹⁷ использовали методы, которые еще 12 лет назад были бы попросту нелегальными – речь идет, в частности, о широком выкупе корпоративных облигаций и некоторых других ценных бумаг, что было разрешено лишь через некоторое время после кризиса 2008 года.

Как отметила на Давосском форуме Кристин Лагард¹⁸, опыт ошибок прошлого кризиса и решительные действия регуляторов позволили обеспечить беспрецедентное количественное смягчение и «вливать» в остановившуюся экономику достаточный объем ликвидности. На другой сессии ее позицию поддерживали вышеупомянутый Джес Стэйли из Barclays и топ-менеджер JP Morgan Мэри Эрдоуз, которая заявила, что регуляторы не должны стесняться использовать специально созданные буферы и резервы для поддержки финансовой системы.

¹³ <https://www.marketwatch.com/story/fed-announces-unlimited-qe-and-sets-up-several-new-lending-programs-2020-03-23>

¹⁴ <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/econographics/global-qe-tracker/>

¹⁵ <https://www.weforum.org/events/the-davos-agenda-2021/sessions/strengthening-the-financial-and-monetary-system-western-hemisphere>

¹⁶ <https://www.ft.com/content/a1beda5e-5c2d-429e-a095-27728ed2d72b>

¹⁷ <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-06-18/fed-seems-to-skirt-the-law-to-buy-corporate-bonds>

¹⁸ <https://www.weforum.org/events/the-davos-agenda-2021/sessions/restoring-economic-growth-western-hemisphere>

В то же время, избежание ошибок прошлого отнюдь не гарантирует отсутствия новых проблем. Как отметил глава крупного инвестфонда Carlyle Group Кюсон Ли¹⁹, в 2008 году всему рынку не хватало ликвидности из-за краха банков, в результате чего кризис уничтожил не только неэффективные и отсталые компании, но и успешный бизнес, который просто не смог получить финансирование. Сейчас наблюдается обратная проблема: рынок «залит» ликвидностью и выживают не только наиболее конкурентоспособные, но даже и те, кто в обычное время, вероятно, был бы уже банкротом. В результате отличить эффективный бизнес от «зомби-компаний» становится все сложнее – это может стать одним из среднесрочных последствий борьбы с нынешним кризисом.

Кто выжил в кризис благодаря трансформации бизнес-моделей, а кто – благодаря дешевым деньгам центральных банков, мы узнаем лишь после завершения количественного смягчения, когда условия финансирования для бизнеса перестанут быть льготными. Вместе с тем, кроме банков и инвестфондов, которые в будущем потеряют деньги из-за вложений в неэффективные активы, одним из последствий станет и потеря средств для розничных инвесторов, что в относительном выражении может быть для них более серьезным ударом.

После кризиса 2008 г., когда экономика финансировалась преимущественно через банки, регуляторы в США и Европе предприняли значительные усилия для того, чтобы переложить финансирование, а значит и риски, с банковской системы на рынок ценных бумаг. В последние годы нулевые и отрицательные реальные ставки, снижение комиссий у крупных брокеров и появление онлайн-брокеров для индивидуальных инвесторов привлекло значительное количество физических лиц на рынки. Так, еще в 2019 г. ритейл-инвесторы, как часто называют индивидуальных игроков на рынке, отвечали лишь за 10% рыночной активности. Уже в 2020 г. эта доля выросла сразу до 20%²⁰. Популярность индивидуального инвестирования явно продемонстрировала история с акциями GameStop²¹, когда группа ритейл-инвесторов, скоординировавшись на форуме, смогла создать нечестную для рынка ситуацию двойной ловушки для профессиональных хедж-фондов, ставивших на понижение, которые потеряли на этом сотни миллионов долларов.

Хотя спикеры Давоса из инвестиционной среды отнеслись к этой ситуации скорее с пренебрежением, отметив, что отдельные пузыри не создают проблем для экономики, есть вероятность, что они могут упустить из виду некоторые социальные последствия самого феномена массового индивидуального инвестирования. Когда количественное смягчение завершится и рынок начнет корректироваться, достаточно большое количество неопытных и слабоинформированных индивидуальных инвесторов может потерять деньги на коррекции, что будет способствовать усилению неравенства и социальной напряженности – а это как раз те проблемы, борьбу с которыми на Давосском форуме так активно обсуждали.

Еще одной проблемой количественного смягчения может стать рост цен как на биржевые, так и потребительские товары. В последние месяцы, в условиях локдаунов люди и бизнес тратили меньше денег и направляли средства на депозиты, что во многом сдерживало спрос на потребительском рынке. Так, объем депозитов в банках США за 2020 год вырос на рекордные \$2 трлн²². Однако после пандемии можно ожидать, что люди будут снимать средства с депозитов, а компании начнут более активно покупать материалы для производства и осуществлять другие

---

¹⁹ <https://www.weforum.org/events/the-davos-agenda-2021/sessions/strengthening-the-financial-and-monetary-system-western-hemisphere>

²⁰ <https://markets.businessinsider.com/news/stocks/retail-investors-quarter-of-stock-market-coronavirus-volatility-trading-citadel-2020-7-1029382035>

²¹ <https://www.barrons.com/articles/options-helped-fuel-the-gamestop-stock-squeeze-heres-how-that-works-51611872643>

²² <https://www.cnbc.com/2020/06/21/banks-have-grown-by-2-trillion-in-deposits-since-coronavirus-first-hit.html>

расходы. Соответственно, это будет подстегивать спрос на товары и услуги и, как отметил на Давосском форуме глава BCG, это также может спровоцировать рост цен²³.

В результате, из-за возможных потерь ритейл-инвесторов и инфляции рядовые потребители даже в развитом мире могут оказаться не в лучшем положении, в то время как финансовая система, благодаря масштабному количественному смягчению, потерь практически не понесет. Все это создает риск еще большего социального и экономического неравенства после пандемии.

Вместе с тем, потери затронут не только развитые государства. COVID-19 подтолкнул бедные страны к использованию экономических рычагов в направлении, которое еще сильнее увеличило разрыв между богатыми и бедными. Спад, вызванный пандемией, увеличил ряды безработных и усилил зависимость от слабых государственных институтов. Сокращение налоговых поступлений вынудило правительства брать на себя новые долги или ограничивать государственные услуги и социальные программы. Некоторые развивающиеся страны отреагировали на кризис обесцениванием валют, что привело к снижению реальной заработной платы и повышению стоимости жизни и, как следствие, к большой социальной напряженности.

Так по версии МВФ, Нигерия переживает самый серьезный экономический спад за четыре десятилетия, рост безработицы и бедности во время пандемии усилил социальную нестабильность и привел к протестам против жестокости полиции, бесхозяйственности и коррупции в экономике. Алжир использовал карантин COVID-19, чтобы ограничить общественные протесты, поскольку социально-экономические показатели ухудшились.

Экономические последствия COVID-19 осложнили фрагментированную и непростую политическую ситуацию на африканском континенте. В Судане инфляция достигла рекордных 212% в сентябре 2020 г. и 230% в октябре 2020 г., истощая валютные резервы страны и вынуждая правительство ввести чрезвычайное экономическое положение. В Тунисе, чрез десять лет после революции (2010-2011 гг.) по поводу экономических условий, приведшей к свержению старого режима, в 15 городах в январе 2021 г. прокатилась волна жестоких протестов против растущей бедности и безработицы. Это побудило власти запретить дальнейшие демонстрации.

Очаги политической и экономической нестабильности на фоне COVID-19 заметны не только на африканском континенте. Значительно сократились бюджеты и выросли государственные долги стран-экспортеров нефти. По данным Foreign Policy, ежемесячный дефицит Ирака, третьего по величине экспортера нефти, составляет от 3,5 до 4,5 млрд. долларов²⁴. В декабре 2020 г. Центральный банк Ирака девальвировал валюту на одну пятаю. По версии Financial Times, это стало самой крупной девальвацией с 2003 г., начала войны в Ираке (2003 – 2011 гг.), и было сделано для того, чтобы облегчить правительству выплату номинированной в местной валюте зарплаты примерно 3 млн. государственных служащих.

В этом смысле выступление президента Франции Макрона в Давосе было социально ориентированным, и в определенной степени даже с левым уклоном. Он заявил, что в текущей ситуации современный капитализм более не работает, так как произошел глубокий моральный и экономический кризис. Если раньше у среднего класса были условия для движения вперед, то теперь их нет. Макрон призвал мировых лидеров бороться с неравенством, так как капиталистическая модель вместе с открытой экономикой больше не работает. Президент Франции подчеркнул необходимость «выйти за рамки» дерегулирования к государственному вмешательству, а также реформам, чтобы компании учитывали свое социальное, экологическое и демократическое воздействие. Однако Макрон не углубился в какие-либо более подробные описания стратегии.

²³ <https://www.weforum.org/events/the-davos-agenda-2021/sessions/strengthening-the-financial-and-monetary-system-western-hemisphere>

²⁴ <https://foreignpolicy.com/2020/12/14/iraqs-economic-collapse-could-be-bidens-first-foreign-policy-headache/>

Интересно, что в качестве меры борьбы с социальным и экономическим неравенством после пандемии между условным «Севером» и «Югом» мировые лидеры в Давосе не затронули возможность прощения долгов развивающимся странам в качестве экономической меры поддержки.

Канцлер Меркель лишь подчеркнула, что развитые страны часто концентрируются только на собственной политике, однако программа восстановления не должна включать сокращение расходов на развивающиеся страны, а должна предполагать больше инвестиций.

Пока основной фокус делается на преодолении возможного «вакцинного национализма» и на обеспечении доступности вакцин, в том числе и в наиболее бедных странах. На этом сделали акцент в своих выступлениях Урсула фон дер Ляйен, Председатель Европейской комиссии, и Валдис Домбровскис, вице-председатель Еврокомиссии. Оба подчеркнули важность доступности вакцин во всем мире, отметив, что ЕС готов сыграть существенную роль в этом процессе. ЕС уже заказал 2,3 млрд. доз вакцин не только для нужд ЕС, но и для помощи соседним и развивающимся странам. По всей видимости Евросоюз беспокоит отсутствие ясности в отношении прозрачного производства и поставок вакцин, при этом речь идет о предварительных закупках и удовлетворении гуманитарных потребностей.

Канцлер Германии Меркель также подняла вопрос о справедливом распределении вакцин для вакцинации людей как в развитых, так и в развивающихся странах, отметив особую роль Всемирного банка в поддержке распространения вакцин. Как в рамках краткосрочной (вакцинация), так и долгосрочной стратегии противодействия пандемии (трансформация правил мировой торговли), все без исключения спикеры Давоса подчеркивали необходимость наступления эры многостороннего подхода и прозрачности, выражающейся в том числе в многосторонних, а не двусторонних договоренностях.

Во многом акцент на принципе многостороннего подхода отразил традиционные политические клише. Премьер-министр Японии Ёсихидэ Суга заявил, что Япония стремится играть ведущую роль в усилиях по расширению свободных и справедливых экономических зон и укреплению многосторонних торговых систем. Особый акцент был сделан на продвижении свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона и стабильных отношениях с соседними странами – определённый реверанс как в сторону Китая, так и в сторону США.

В плане изменений правил торговли, на которые мировых лидеров и международные институты подтолкнула пандемия, главный акцент должен быть сделан на реформировании ВТО. При этом большие ожидания в этом процессе возлагаются на новую администрацию Байдена.

Как подчеркнула канцлер Меркель, многосторонние соглашения предполагают наличие определенных общих стандартов. С новой американской администрацией Германия сможет продолжить работу в рамках ОЭСР, чтобы создать общие правила регулирования Big Tech, развивать систему налогообложения для технологических компаний и предотвратить доминирование глобальных технологических монополий.

Валдис Домбровскис, вице-председатель Еврокомиссии, подчеркнул, что во взаимоотношениях с США Европу волнуют различные аспекты обеспечения интеллектуальной собственности, передачи технологии, при этом важной частью является корректировка свода правил ВТО. С приходом к власти новой администрации Байдена ожидается большее участие США в этих вопросах.

Аналогичную мысль высказал министр торговли и экспортного роста Новой Зеландии Дамьен О'Коннор. Он надеется на то, что новая администрация США поможет реформированию правил ВТО. ВТО должна обеспечивать открытость и внушать людям уверенность, что она существует для всех, а не только для избранной группы стран, которые могут наилучшим образом использовать переговоры и лоббирование.

Реформирование ВТО подразумевает, прежде всего, расширение охвата ВТО на цифровую торговлю и экологические нормы. Как отметила Беатрис Мауро, президент Центра исследований экономической политики, объемы цифровой торговли и торговли услугами стремительно увеличиваются, однако ни на одну из этих сфер не распространяются правила ВТО. Ни один из участников дискуссий ни со стороны бизнеса, ни со стороны политической элиты, не говорил о необходимости создания альтернативных ВТО структур.

Таким образом, последствия пандемии коронавируса затрагивают сразу целый ряд глобальных социальных и экономических процессов. Несмотря на то, что весь мир активно борется с этими последствиями, как показывают принятые макроэкономические меры – краткосрочные проблемы вряд ли будут легко преодолены. Борьба с кризисом в данном случае может не столько устранять, сколько оттягивать проявление ряда проблем. Хотя власти и регуляторы в США и Европе надеются, что за ближайшие годы они постепенно справятся с накопившимися краткосрочными диспропорциями, некоторые изменения, в том числе в цепочках добавленной стоимости, мировой торговле, уровне неравенства между странами и внутри них, скорее всего, останутся с нами надолго и создадут новые долгосрочные вызовы.

Контакты

www.icss.ru

Россия, 119180, Москва,
ул. Большая Полянка, д.23/1
Тел.: +7 495 995-11-35
Факс: +7 495 995-11-36
E-mail: mail@icss.ac.ru

© Институт комплексных стратегических исследований. Все права защищены.
